

Дерево, молния и история одной миграции

Екатерина Анастасова

Статья рассматривает любопытный случай, связанный с эстонским неоязычеством. На базе традиционных верований и т. наз. „прецедента“ создается целая система верований, которые определяют судьбу и поведение носителей культуры не только в собственной стране, но и в эмиграции. Таким образом традиционные представления, связанные со священными деревьями, камнями, водоемами и пр., приобретают новый смысл, определяя идентичность и поведение носителей культуры в ситуации евроинтеграции.

Текст анализирует специфики эстонской трудовой мобильности в контексте созданных эстонским обществом традиционных „опор“, связанных с „народной религией“ и неоязычеством, которые формируют „работающий“ национальный рассказ. Статья разработана на основе метода *case study*. Текст подготовлен на базе полевых исследований автора, опубликованных источников и полевых материалов.

Ключевые слова: неоязычество, миграция, конструирование идентичность, фольклор

В последнее время фольклористы выигрывают больше проектов по европейским и национальным программам, нежели естественники. И я считаю, что сейчас людям фольклор нужен больше, чем химия¹.

Эстония одна из стран „отличниц“² в Восточной Европе (Северо-восточной Европе), которая присоединилась к Европейскому союзу и НАТО в 2004 г., и является членом Шенгенского соглашения с 2007 г. Беглый просмотр истории страны показывает наличие нескольких опорных точек, которые и сегодня определяют культурные доминанты нации.

¹ У. Р., около 40 лет, обр-е высшее, Таллинн, декабрь 2016 г., личный разговор.

² Эстонию называют „балтийским тигром“ и „пятой скандинавской страной“. Эстония в 2000-ые годы имеет самый низкий долг (13% БВП), а в 2011 г. входит в еврозону (по данным агенства Евростат).

В 13 в. земли сегодняшней Эстонии вошли в католический Ливонский орден и германцы управляли этими территориями в следующие века. В 16 в. страна проходит через Реформацию и протестантизм превращается в основное вероисповедание. В то же время, в результате различных войн, части Эстонии переходят к Швеции, а позже и к Российской империи (1721 г.), где она называется Эстляндской губернией. После распада Российской империи в 1918 г. объявлена эстонская независимость, а Освободительная война приводит к подписанию мирного договора между Эстонской республикой и Советской Россией в 1920 г. Независимость длится до 1940 г., когда Эстония вступает в состав СССР (в результате договоренностей между СССР и нацистской Германией). С 1941 г. по 1944 г. страна оккупирована Германией, после чего включена в состав СССР. В 1990 г. Эстония восстанавливает свою Конституцию, а в 1991 г. объявляет свою независимость.

Таким образом, можно обобщить основные воздействия на культуру страны – германское и шведское, русское и советское. О древней истории эстов и их культуре известно немного.

Вместе с демократическими преобразованиями в эстонском обществе наступает ряд перемен – начиная со сложной ситуации с русскими в стране и „освобождением от советского прошлого“, до таких „сопутствующих явлений“, как экономический кризис, безработица и социальная нестабильность³. Несмотря на это, эстонцы рады своей независимости и одним или другим образом находят пути выхода из трудных ситуаций. Параллельно с антисоветской риторикой и „борьбой с памятниками“ (см. о знаменитой истории с перемещением памятника „Советскому солдату“ в Таллине – напр. Вуков 2009: 58–65), ностальгия по СССР проявляется не только в воспоминаниях о социальной стабильности социалистического „супер-государства“, но превращается и в артефакт, часто принимающий забавные формы (напр. серия „социалистических шоколадов“⁴, соц-сувениры и пр.).

Одно из самых значительных постсоциалистических явлений для маленькой страны как Эстония – это эмиграция⁵. С 1 570 000 в 1991 г.,

³ Срв. напр. воспоминания одного эстонского дипломата, которая рассказывает о печальной картине первых демократических лет: „Открываем холодильник с моей дочкой, а там только два йогурта. Мы прошли через много трудностей“ – М. М., жещина, обр-е высшее, дипломат.

⁴ Шоколады с картинками, связанными с социализмом – напр. Леонид Брежнев и подсолнухи (культура, считающаяся особенно перспективной в период его управления).

⁵ Надо отметить, что в период 1950–1980 гг. Эстония является страной, принимающей эмигрантов (в основном из других республик СССР), а в период 2000–2011 гг., страна принимает эмигрантов из Финляндии, Великобритании, США и России

в результате миграционных процессов, население страны уменьшилось до 1 315 944 человек в 2016 г.⁶ Основные направления, которые предпочитают эстонцы – Северная Европа (наиболее многочисленная миграция в Финляндию, Скандинавию – Швецию, Норвегию и Данию, и в Великобританию). Основная форма миграции между Эстонией и этими странами т. наз. *циркулярная миграция*⁷, т.е. регулярные поездки между страной-донором и страной-реципиентом, или „типичный транснациональный образ жизни“ (ООН, Экономический и социальный совет – ECE/CES/2014/30⁸). По понятным причинам (открытость границ, отсутствие социального страхового номера у работающих иностранцев и государственной организации, отвечающей за эмигрантскую трудовую статистику, нелегальный труд и пр.) за этой миграцией трудно наблюдать. По мнению специалистов по миграциям между Эстонией и Финляндией (наиболее распространенная среди эстонских мигрантов дестинация), например, часто „они сами не знают, где бы они хотели жить“ (Zaicева, Zimmermann 2008; Levitt, Jaworsky 2007). Несмотря на это, отмечается, что транснациональная мобильность между Эстонией и Финляндией растет (ECE/CES/2014/30: 13).

(рожденные там граждане эстонского происхождения) – <http://www.stat.ee/press-reliz-2013-062> (12. 12. 2016).

⁶ Данные цитируются по Eesti Statistika. Population by sex and age group, 1 January (23. 4. 2017).

⁷ О термине циркулярная миграция (подобна т. наз. миграции типа „маятник“ – циркулярная миграция трансгранична, а „маятник“ связан с региональными миграциями типа город – деревня) существуют ряд публикаций и опытов дефиниции. Срв. Shkeldon 2012 и цит. лит.; Кръстева, Отова, Стайкова 2011; ЮНЕСКО 2007 – <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001557/155779R.pdf> (15. 12. 2016).

⁸ Европейская экономическая комиссия. Конференция европейских статистиков. Шестьдесят вторая пленарная сессия, Париж, 9–11 апреля 2014 г. Точка 4 предварительного распорядка заседания – Измерение трансграничной мобильности между Эстонией и Финляндией с помощью сбора данных мобильного позиционирования. Подготовлено Статистическим управлением Эстонии и Статистическим управлением Финляндии. – http://www.cisstat.com/BigData/CIS-Big%20Data_05%20UNCES%20Estonia_Finland-migration.pdf (15.12.2016);

См. и http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2014/ECE_CES_2014_30-Estonia__Finland-Migration.pdf (15. 12. 2016).

Данные мобильного позиционирования представляют анализ движения сотовых телефонов, предоставленных и анализированных мобильными операторами Эстонии и Финляндии.

Этот метод подходит для таких высокотехнологических стран как Эстония и Финляндия – обе страны являются ведущими в области ИТ. С другой стороны, распространенная практика менять СИМ карты при переезде из одной страны в другую затрудняет исследования, как отмечают авторы доклада, с. 13.

Находясь в Эстонии в рамках краткосрочного полевого исследования⁹, трудно специально подготовить встречу с эстонскими эмигрантами, вернувшимися домой. В 2013 г. в рамках исследования, посвященного религиозности эстонцев, живущих на островах в Балтийском море, мне посчастливилось познакомиться с эстонкой, которая проводит зиму в Норвегии, а лето – в одной из деревень своего родного острова Муху¹⁰. Пирет¹¹ около 55 лет, она является бывшим медицинским работником, которая после сокращений в местной больнице в середине 2010-ых, уезжает из Эстонии, чтобы продолжить работать в одной из фирм по уборке квартир в Скандинавии.

Надо отметить, что Муху – это специфический остров, который принимает сотни туристов из Эстонии, скандинавских стран и республик бывшего СССР (особенно из близкого Санкт-Петербурга, чьи жители привыкли снимать дачи в Прибалтике летом). Остров сохранил свой традиционный облик и особенно деревня Когува, которая представляет собой полностью сохранившуюся рыбацкую деревню. Остров – родина классика эстонской литературы советского периода Ю. Смуула (Шмуула), чей памятник смотрит на море (его переместили в 2006 г. из Таллина), а его дом превращен в музей. На острове расположены несколько деревень и хуторов. Остров сохраняет следы древней истории, развалины крепости, каменное кладбище (с конца первого тысячелетия до н.э.), средневековую церковь Св. Екатерины (Muhu Katarina Kirik, XII в.), знаменитые пять Англаских мельниц, одна из которых еще работает, этнографический музей и пр. Муху тоже связан с процессами евроинтеграции – в 2012 г. на европейские деньги построен музей рыболовства. Обобщая, Муху – это фольклорная деревня, где местные этнография и фольклор (жилище, поселение, ремесла, рукоделие, песни, сказки и пр.) превратились в образ жизни, который с удовольствием (и не бесплатно) манифестируется перед гостями и туристами.

Дом и двор Пирет – это настоящая картина картина эстонской традиционной жизни. Основная жилая постройка оформлена в стиле традиционной риги. Во дворе несколько хозяйственных построек, каменная ограда (по местным повериям эти камни предотвращают воздействие злых духов), деревянные идола в саду и архаическая *кида*

⁹ В рамках проекта „Фольклор в социальном и культурном дискурсе Болгарии и Эстонии“ (2012–2015), Академическая обменная программа между Болгарской и Эстонской академиями наук, руководители Е. Анастасова (Институт этнологии и фольклористики – БАН) и М. Къйва (Эстонский литературный музей – Тарту).

¹⁰ Муху является третьим по величине островом в Эстонии (после Сааремаа и Хийумаа). Это часть Моонзунского архипелага в Балтийском море. Население острова 1600 человек.

¹¹ Имя респондентки изменено по этическим соображениям.

(летняя кухня, которая используется на Муху как рыбацкий шалаш). Ее дом находится в нескольких шагах от археологического объекта (Миллениум II), который местные жители называют „жертвенными камнями“. Это огромные облые камни с вмятинами, в которых, по местным повериям, оставляли дары. И сегодня верят, что эти камни имеют магическую силу, которая дарует здоровье и благополучие (в Эстонии находятся более 1700 подобных камней, а около 500 из них связаны с легендами и преданиями, сто из них, как археологические объекты, находятся под покровительством государства). В углублениях на камнях и сегодня оставляют деньги, свечи или другие мелкие предметы.

Восемь месяцев в году Пирет проводит в Норвегии, а остальные четыре (май по сентябрь) в Эстонии. Она принимает в своем доме туристов и отдыхающих из Норвегии и других скандинавских стран, обслуживая их сама. Она поддерживает сад и маленькую оранжерею, имеет нескольких овец. Пирет планирует окончательно вернуться в Эстонию на старости лет.

Самой интересной постройкой в ее доме оказалась *кида*, которую она назвала культовым сооружением, куда может заходить только хозяйка. Там она молится и совершает специальные ритуалы в честь своего духа-покровителя. „Святылище“ создано после удара молнии по могучему старому дереву во дворе, которое упало на дом, причиняя серьезные разрушения (почти разделив его на две половины), но при этом никто не пострадал. Это событие стимулирует ее веру, и она строит собственное святилище, в котором регулярно совершает ритуалы.

Но в кого или во что верит Пирет? Она почти ничего не сказала. Не произнесла имя духа, не рассказала о своих ритуалах. Она позволила заглянуть во внутрь – несколько обуглившихся веток показывали, что она там что-то возжигает, и, очевидно, возносит молитвы. Пирет подчеркнула, что все это очень личное, и не надо об этом рассказывать.

В сущности, в контексте загадочного Муху и особенностей эстонской мифологии и неоязычества, веру Пирет можно реконструировать. Как было отмечено в начале, о жизни и вере старых эстов известно не многое. Отдельные сведения о верованиях эстонцев можно найти в летописях и хрониках, но в большинстве своем они реконструируются на базе материалов, собранных в 19 в., которые отражают родство между финским и эстонским фольклором. Перевод с немецкого эстонского народного поэта Кристьяна Яака Петерсона (1821 г.¹²) финской мифоло-

¹² Kristijan Jaak Peterson (1801–1822), основатель эстонской романтической поэзии. Его перевод со шведского *Финской мифологии* Кристфрида Ганандера (1789) выходит в 1822 г. – уже после смерти переводчика.

гии Кристофрида Ганандера¹³, превращается в основу сочинения Фридриха Роберта Фельмана, который в 1844 г. публикует фольклорную мистификацию – т. наз. эстонскую псевдомифологию¹⁴. Она становится настолько популярной, что в 30-ые годы 20 в. становится основой эстонского неоязычества, посредством деятельности организации Таарауск (Taarausk) – „Вера Таара“. Таара воспринимается как божество, известное из одной из Ливонских хроник как верховное божество соседнего острову Муху острова Сааремаа. Позже это движение объединяется с другой ветвью эстонского неоязычества (80-ые годы 20 в.) – Маауск (Вера нашей земли), в организацию Маавалла Кода (1995 г.). Сегодня в нее входят территориальные общины Северной и Южной Эстонии, о-в Сааремаа и г. Тарту, как и неоязыческие организации вне страны (Уральские неоязыческие общины). Вера дефинируется как объединение „таарской религии“ и „туземных эстонских религий“, как „все, во что верили эстонцы в последние 800 лет своей истории и тысячелетия до этого“. Календарь Маавалла Кода начинается более 10 000 лет назад (так год основания организации 10 208/1995 г.), с момента „Рождения эстонской земли“ (считается, что она возникла в результате разделения ледника). Религия анимистична и локальна – каждое место имеет свое божество, духа, отца, и его нельзя „взять с собой“. Каждый может общаться только со своими собственными богами и духами. Основное место поклонения священные рощи (hiils), жертвенные камни, источники и деревья. Хотя часть священных объектов уже находится под охраной государства (как археологические объекты), организация продолжает свой диалог с государством об их сохранении. Переодически возникают конфликты около построения инфраструктурных объектов. Основная цель организации заключается в том, чтобы „каждый эстонец, несмотря на его верования и взгляды, мог гордиться религией своих предков“¹⁵.

¹³ Christfried Ganander (1741–1790), финский фольклорист, литератор, лингвист, автор словаря финского языка (более 30 000 слов – *Nytt Finsk Lexicon*, 1787). Пастор. *Финская мифология (Mythologia Fennica)* выходит в 1789 г.

¹⁴ На основе примеров из финской мифологии Фридрих Роберт Фельман (Friedrich Robert Faehlmann, 1798–1850), эстонский писатель и врач, автор идеи эстонского эпоса *Калевипоег*, в 1844 г. публикует сборник квази-фольклорных мифических сказаний на немецком языке. Он описывает божественный пантеон (верховное божество Вайнемуйне и пр.). Эти сказания посредством прессы и школьного образования становятся очень популярными и позже многие исследователи считают их аутентичными.

¹⁵ Подробнее о истории, особенностях, организации, структуре, целях и мероприятиях Маавалла Кода см. <http://www.maavald.ee/en/about-maavalla-koda> (12. 12. 2016).

Интересно, что в 2000 г. статистика регистрирует 18% верующих в Эстонии, а серьезное социологическое исследование в 2002 г. устанавливает, что 11% эстонцев симпатизируют Маавалла Кода, или „эстонской традиционной религии“ (Къйва 2016: 64–77). Очевидно, что дохристианская вера волнует гораздо больше эстонцев, чем лютеранство или православие (традиционное для региона Сету и некоторых островов в Балтийском море). Несмотря на запреты лютеранской церкви, а позже и на неодобрение советской власти (в этот период организация работает нелегально), преследование „старой веры“ после демократических перемен в некоторых регионах (например Хийумаа, где религиозное поле занято баптистами), неоязычество возрождается вместе с независимостью страны.

Считается, что „старая вера“ (аутентичная религия) религия *элитарная* (из-за строгого подбора новых членов). Но с другой стороны отмечается, что она может иметь индивидуальный характер, так как верующие не обязаны регистрироваться в организации (Трифонов 2006).

Известна связь неоязычества (рассматриваемого в парадигме новых религиозных движений) с национализмом, которая подчеркивается и в дефинициях этого явления. Так В. Шнирельман определяет неоязычество как общенациональную религию, которая создается искусственно городской интеллигенцией из фрагментов древних локальных верований и обрядов, с целью „возродить национальную духовность“ (Шнирелман 1998: 3). При всем разнообразии определений (см. напр. Strimiska 2005: 1–53; Aitamurto, Simpson 2013: 1–9; Doyle White 2016 etc.), как правило, основной целью этих движений считается создание „новой этнической/национальной идентичности“.

Судя по всему, создание этой новой национальной идентичности под влиянием идеологии неоязычества достаточно успешно. Очевидно, что оно поддерживает идентичность не только 11% населения Эстонии, но и мигрантов, циркулирующих между Эстонией и странами Северной Европы и Великобританией. Неопаганизм определяет привязанность к родному месту, обитаемому „своими“, даже индивидуальными духами и божествами. Наш пример, который наглядно демонстрирует неоязыческие взгляды одного мигранта, показывает, что это одна из серьезных причин, заставляющих эстонцев предпочесть *мобильность* перед *иммиграцией* (как показывают анализы многочисленной эстонской эмиграции в Финляндии).

Пример также открывает новую теоретическую перспективу. Оказывается, что уже не только городские элиты являются адептами „аутентичной религии“. Этот факт, очевидно, отражает новую тенденцию в развитии национализма. Последний – это уже не творение и практи-

ка национальных элитов (Гелнър 1999/1983), которые давно транснациональны, а духовность „обычных людей“. Если один пример не является основанием для подобных заключений, вне всякого сомнения анализ Брекзита показывает, что если космополитный Лондон голосует за ЕС, то „рабочая провинция“ демонстрирует национализм, а дискуссия о „национальных ценностях“ волнует ее больше, чем дебаты о „европейских ценностях“. Как показывает и победа в президентских выборах Д. Трампа в США, „национальное“ начинает отвоевывать все более значительные территории у „глобального“ и „транснационального“. Противопоставление между глобальным и национальным уже происходит на уровне элит и масс. Национализм развивается среди последних, как одна из форм сопротивления и противопоставления транснациональным властям, транснациональному бизнесу и транснациональной бюрократии.

В рамках нашей темы важно отметить, что эстонский случай демонстрирует конструирование идентичности, в которой доминируют *фольклорные (псевдофольклорные) источники*. Эти представления становятся определяющими в условиях миграции настолько, что консервативное, закрытое в рамках традиции, мироощущение/модель мира (надо учитывать и островную изолированность) становится основой наиболее удачной миграционной модели – *циркулярной мобильности*, связанной с верой в локальных духов и богов, доступных только на родной земле. В сущности, логичный пост-модернистский выход для людей, вынужденных мигрировать из своей страны, которая сохранила „традиционные корни“ и образ жизни, наряду с высокими технологиями и современными решениями в ряде важных для общества вопросов.

Библиография

- Вуков, Н. (2009). „Меден глиган“, „бронзов войник“, „каменен воин“. *Български фолклор* (Анастасова, Е., И. Станоева (съст.). *Балканите и Балтика в Обединена Европа: история, религии, култури*), 3–4, 58–65.
- Гелнър, Ъ. (1999/1983). *Нации и национализъм*. София: Панорама.
- Кръстева, А., И. Отова, Е. Стайкова (2011). Временна и циркулярна миграция. ЕММ. <https://annakrasteva.wordpress.com/2011/03/10/temporary-circular-migration/> (5. 12. 2016).
- Къйва, М. (2016). Поклонничеството в секуларизираното общество – възраждане и особености. *Български фолклор* (Анастасова, Е. (съст.). *Идентичности – религии – миграции*), 1, 64–77.
- Трифонов, А. (2006). Религия и СМИ. *Religare: Эстония теряет христианскую идентичность. Десятая часть населения уже приняла язычество*. *Vaznica*

- info, Christian Media Group – <http://baznica.info/article/religare-estoniya-teryuet-khristianskiyu-i/> (28. 8. 2006, Диспут). (4. 12. 2016)
- Шнирельман, В. А. (1998). *Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал)*. Серия „Исследования по прикладной и неотложной этнологии“, № 114. Москва: ИЭА РАН.
- ЮНЕСКО (2007). Пеку, А., П. де Гюштенер (ред.). *Миграции без границ (Эссе о свободном передвижении людей)*. <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001557/155779R.pdf> (12. 12. 2016).
- Aitamurto, K., S. Simpson (2013). Introduction: Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe. In: S. Simpson, K. Aitamurto. *Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe*. Durham: Acumen. 1–9.
- Doyle White, E. (2016). *Wicca: History, Belief, and Community in Modern Pagan Witchcraft*. Brighton, Chicago & Toronto: Sussex Academic Press.
- Levitt, P. L., Jaworsky, B. N. (2007). Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends, *Annual Review of Sociology*, Vol. 33, 129–156.
- Skeldon, R. (1992). On Mobility and Fertility Transitions in East and Southeast Asia. *Asian Pacific Migration Journal*, Vol. 1(2), 220–249.
- Skeldon, R. (2012). Going Round in Circles: Circular Migration, Poverty Alleviation and Marginality. *International Migration*, June, 50 (3): 43–60. doi:10.1111/j.1468-2435.2012.00751.x
- Strmiska, M. F. (2005). *Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives*. Santa Barbara, Dencer & Oxford: ABC-Clio, 1–53.
- Zaiceva, A., Zimmermann Kl. F. (2008). Scale, diversity and determinants of labour migration in Europe. *Oxford Review of Economic Policy*, Vol. 24(3), 427–451 (Вж. и IZA DP No. 3595, July 2008, 1–37).
- Zelinsky, W. (1971). The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*, 61(2), 219–249.

Интернет материалы

- <http://www.stat.ee/press-reliz-2013-062> (12. 12. 2016)
- Eesti Statistika. Population by sex and age group, 1 January (23. 4. 2017)
- http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2014/ECE_CES_2014_30-Estonia__Finland-Migration.pdf (15. 12. 2016).
- <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001557/155779R.pdf> (15. 12. 2016)
- http://www.cisstat.com/BigData/CIS-Big%20Data_05%20UNCES%20Estonia_Finland-migration.pdf (15. 12. 2016)
- <http://www.maavald.ee/en/about-maavalla-koda> (12. 12. 2016)

Дрво, муња и историја једне миграције

Екатерина Анастасова

Резиме

У чланку се разматра занимљив случај везан за естонско неопаганство. На основу традицијских веровања и тзв. „претходника“ створен је целокупан систем веровања који одређује судбину и понашање носилаца културе не само у њиховој земљи, него и у емиграцији. На овај начин традицијске идеје о светом дрвећу, камењу, изворима и др. добијају ново значење, одређујући идентитет и понашање носилаца културе у ситуацији евроинтеграција.

У тексту се анализирају специфичне карактеристике мобилности естонске радне снаге у контексту традиционалних „ослонаца“ створених у естонском друштву, повезаних с „народном религијом“ и неопаганством, који стварају „раднички“ национални наратив. Чланак је настао на основу метода студије случаја. Текст је припремљен на основу теренских истраживања аутора, објављених извора и теренске грађе.

Кључне речи: неопаганство, миграције, конструкција идентитета, фолклор

Tree, Lightning and the History of One Migration

Ekaterina Anastasova

Summary

The article examines an interesting case, connected with Estonian new paganism. On the base of traditional beliefs and so called 'precedent' is created the entire system of beliefs, which determine fate and behavior of the carriers of culture not only in their own country, but also in the emigration. Thus the traditional ideas, connected with the sacred trees, stones, water sources, etc., acquire a new sense, determining identity and behavior of the carriers of culture in the situation of Euro-integration.

The text analyzes the specific characters of Estonian working mobility in the context of the of traditional "supports", created by the Estonian society, connected with 'traditional religion' and new paganism, which create "working" national narrative. The article is prepared on the basis of the author's field research and the method of a case study was applied.

Key words: new paganism, migration, identity construction, folklore

доц. др Екатерина Анастасова
Институт за етнологију и фолклористику
с Етнографским музејом Бугарске
академије наука, Софија
Е-пошта: ekaterina_anastasova@yahoo.com

Примљено: 4. 7. 2017.
Прихваћено: 15. 9. 2017.